

Даниил Гранин

*Эта странная
жизнь*

Москва 2013

Издательство

МАНН

ИВАНОВ

И ФЕРБЕР

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 001.81+82-94
ББК 65.244+83.014.44
Г77

*Благодарим Сергея Плуता
за рекомендацию книги к изданию*

Гранин, Д. А.

Г77 **Эта странная жизнь** / Даниил Александрович Гранин. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 176 с.

ISBN 978-5-91657-834-8

Эта книга — об удивительной научной системе, которую создал и по которой жил 56 лет — с 1916 по 1972 год — гениальный ученый, биолог Александр Любищев, ставший, сам того не ведая, «основателем и разработчиком принципов постановки целей и учета времени, называемых сегодня тайм-менеджментом».

Как Любищев планировал, как ему удавалось успевать много за короткое время, вписывать в свой график работу, отдых, помощь друзьям и при этом продолжать радоваться жизни и семейным отношениям, — обо всем подробно, с восхищением, а потому с интересом рассказал писатель и друг ученого Даниил Гранин.

С 1974 года, когда «Эта странная жизнь» вышла из печати 100-тысячным тиражом (!), книга переиздавалась десятки раз, она переведена на английский, немецкий и другие языки.

УДК 001.81+82-94
ББК 65.244+83.014.44

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс».

VEGAS LEX

ISBN 978-5-91657-834-8

© Гранин Д. А., 1974
© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Заряжен Граниным. Заряжен Любичевым	7
Глава первая, где автор размышляет, как бы заинтересовать читателя, а тот решает, стоит ли ему читать дальше	9
Глава вторая о причинах и странностях любви	16
Глава третья, в которой автор сообщает сведения, разумеется, достойные удивления и раздумья	20
Глава четвертая про то, какие бывают дневники	26
Глава пятая о времени и о себе	34
Глава шестая, в которой автор хочет добраться до основ, понять, с чего все началось	43
Глава седьмая о том, с чего начиналась Система	47
Глава восьмая о том, сколько все это стоит и стоит ли оно этого	62

Глава девятая, где автор привычно сводит концы с концами и получает схему, которая могла бы удовлетворить всех	66
Глава десятая, названная самим Любичевым «О генофонде», и о том, что из этого получилось	71
Глава одиннадцатая об одном свойстве некоторых ученых	85
Глава двенадцатая за все надо платить	95
Глава тринадцатая о противоречиях	101
Глава четырнадцатая счастливый неудачник	118
Глава пятнадцатая, которую лучше всего назвать — «Искушение»	138
Глава последняя с грустью и признаниями	150

ЗАРЯЖЕН ГРАНИНЫМ. ЗАРЯЖЕН ЛЮБИЦЕВЫМ

В ДАЛЕКИЕ студенческие годы мне попала в руки книга Даниила Гранина, которую я прочел — сначала запоем, а потом уже перечитывал, перечитывал и перечитывал, смакуя, как дорогой коньяк...

И думал: «Вот человечиче!..»

И таких людей — тогда еще в СССР — было немало.

Ученые, спортсмены, изобретатели, преподаватели, студенты... сотни, тысячи, десятки тысяч людей старались стать лучше, эффективнее, профессиональнее.

Не все шли на такие жертвы, как герой Гранина, не все работали по его системе один в один — но многие брали с него пример и равнялись на него.

Сколько людей «заряженных» Граниным, работает в России (и, увы, за рубежом), я не знаю — но я точно знаю, что многие могли бы — как и я — признаться в том, что мы в значительной степени обязаны ему и его герою своими достижениями и успехами.

Я буду очень рад, если книга, которую выпускают мои коллеги, будет такой же популярной, как и в момент ее

выхода (тогда стартовый тираж книги составил 100 тысяч экземпляров).

Обращаюсь к своим ровесникам — дайте (обязательно!) прочитать книгу своим детям.

Поколение YYY — прочитайте эту книгу, отложив в сторону ваши социальные сети и компьютерные игры.

Нам всем нужно, чтобы эту книгу прочитало как можно больше молодых людей.

Может, тогда нынешнее поколение не будет потерянным — и будет сфокусированным, сконцентрированным и нацеленным на то, чтобы находить свои цели и достигать их.

Мои коллеги из «Манн, Иванов и Фербер» помогли вам, как могли, — книга, как всегда, отлично изданная, перед вами.

Осталось вздохнуть... найти время и нырнуть в чтение...

Заряжайтесь Граниным. Заряжайтесь Любищевым.

И действуйте, действуйте, действуйте.

Нам нужны новые герои.

Игорь Манн

Глава первая,

ГДЕ АВТОР РАЗМЫШЛЯЕТ,
КАК БЫ ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ ЧИТАТЕЛЯ,
А ТОТ РЕШАЕТ, СТОИТ ЛИ ЕМУ ЧИТАТЬ
ДАЛЬШЕ

РАССКАЗАТЬ ОБ ЭТОМ человеке хотелось так, чтобы придерживаться фактов и чтобы было интересно. Довольно трудно совместить оба этих требования. Факты интересны тогда, когда их не обязательно придерживаться. Можно было попытаться найти какой-то свежий прием и, пользуясь им, выстроить из фактов занимательный сюжет. Чтобы была тайна, и борьба, и опасности. И чтобы при всем при том сохранялась достоверность.

Я мог бы изобразить, например, этого человека спянным бойцом-одиночкой против могущественных противников. Один против всех. Еще лучше — все против одного. Несправедливость сразу привлекает сочувствие. Но на самом деле было как раз — один против всех. Он нападал. Он первый наскокивал и сокрушал. Смысл его научной борьбы был достаточно сложен и спорен. Это была настоящая научная борьба, где никому не удастся быть окончательно правым. Можно было приписать ему проблему попроще, присочинить, но тогда неудобно было оставлять подлинную фамилию.

Тогда надо было отказаться и от многих других фамилий. Но тогда бы мне никто не поверил. Кроме того, хотелось воздать должное этому человеку, особенно теперь, когда его нет в живых.

Конечно, подлинность мешала, связывала руки. Куда легче иметь дело с выдуманным героем. Он и покладистый и откровенный — автору известны все его мысли и намерения, и прошлое его, и будущее.

У меня была еще другая задача: ввести в читателя все полезные сведения, дать описания — разумеется, поразительные, удивительные, но, к сожалению, не подходящие для литературного произведения. Они, скорее, годились для научно-популярного очерка. Представьте себе, что в середине «Трех мушкетеров» вставлено описание фехтования. Читатель наверняка пропустит эти страницы. А мне надо было заставить читателя прочесть мои сведения, поскольку это и есть самое важное...

Хотелось, чтобы о нем прочло много людей, ради этого, в сущности, и затевалась эта вещь.

...На крючок секрета тоже вполне можно было подцепить. Обещание секрета, тайны — оно всегда привлекает, тем более что тайна эта не придуманная: я действительно долго бился над дневниками и архивом моего героя, и все, что я извлек оттуда, было для меня открытием, разгадкой секрета поразительной жизни.

Впрочем, если по-честному, — тайна эта не сопровождается приключениями, погоней, не связана с интригами и опасностями.

Секрет — он насчет того, как лучше жить. И тут тоже можно возбудить любопытство, объявив, что вещь эта — про поучительнейший пример наилучшего устройства жизни — дает единственную в своем роде Систему жизни.

«Наша Система позволяет достигнуть больших успехов в любой области, в любой профессии!»

«Система обеспечивает наивысшие достижения при самых обыкновенных способностях!»

«Вы получаете не отвлеченную систему, а гарантированную, проверенную многолетним опытом, доступную, продуктивную...»

«Минимум затрат — максимум эффекта!»

«Лучшая в мире!..»

Можно было бы обещать читателю рассказать про неизвестного ему выдающегося человека XX века. Дать портрет героя нравственного, с такими высокими правилами нравственности, какие ныне кажутся старомодными. Жизнь, прожитая им, — внешне самая заурядная, по некоторым приметам даже незадачливая; с точки зрения обывателя, он — типичный неудачник, по внутреннему же смыслу это был человек гармоничный и счастливый, причем счастье его было наивысшей пробы. Признаться, я думал, что люди такого масштаба повывелись, это — динозавры...

Как в старину открывали земли, как астрономы открывают звезды, так писателю может посчастливиться открыть человека. Есть великие открытия характеров и типов: Гончаров открыл Обломова, Тургенев — Базарова, Сервантес — Дон-Кихота.

Это было тоже открытие, не всеобщего типа, а как бы личного, моего, и не типа, а скорее, идеала; впрочем, и это слово не подходило. Для идеала Любищев тоже не годился...

Я сидел в большой неудобной аудитории. Голая лампочка резко освещала седины и лысины, гладкие зачесы аспирантов, длинные лохмы, и модные парики, и курчавую черноту негров. Профессора, доктора, студенты, журналисты, историки, биологи... Больше всего было математиков, потому что происходило это на их факультете — первое заседание памяти Александра Александровича Любищева.

Я не предполагал, что придет столько народу. И особенно — молодежи. Возможно, их привело любопытство. Поскольку они мало знали о Любищеве. Не то биолог, не то математик. Дилетант? Любитель? Кажется, любитель. Но почтовый чиновник из Тулузы — великий Ферма — был тоже любителем... Любищев — кто он? Не то виталист, не то позитивист или идеалист, во всяком случае — еретик.

И докладчики тоже не вносили ясности. Одни считали его биологом, другие — историком науки, третьи — энтомологом, четвертые — философом...

У каждого из докладчиков возникал новый Любищев. У каждого имелось свое толкование, свои оценки.

У одних Любищев получался революционером, бунтарем, бросающим вызов догмам эволюции, генетики. У других возникала добрейшая фигура русского интеллигента, неистощимо терпимого к своим противникам.

— ...В любой философии для него была ценна живая критическая и созидаящая мысль!

— ...Сила его была в непрерывном генерировании идей, он ставил вопросы, он будил мысль!

— ...Как заметил один из великих математиков, гениальные геометры предлагают теорему, талантливые ее доказывают. Так вот он был предлагающий.

— ...Он слишком разбрасывался, ему надо было сосредоточиться на систематике и не тратить себя на философские проблемы.

— ...Александр Александрович — образец сосредоточенности, целеустремленности творческого духа, он последовательно в течение всей своей жизни...

— ...Дар математика определил его миропонимание...

— ...Широта его философского образования позволила по-новому осмыслить проблему происхождения видов.

— ...Он был рационалист!

— ...Виталист!

— ...Фантазер, человек увлекающийся, интуитивист!

Они многие годы были знакомы с Любищевым, с его работами, но каждый рассказывал про того Любищева, какого знал.

Они и раньше, конечно, представляли его разносторонность. Но только сейчас, слушая друг друга, они понимали, что каждый знал только часть Любищева.

Неделю до этого я провел, читая его дневники и письма, вникая в историю забот его ума. Я начал читать без цели. Просто чужие письма. Просто хорошо написанные свидетельства чужой души, прошедших тревог, минувшего гнева, памятного и мне, потому что и я когда-то думал о том же, только не додумал...

Вскоре я убедился, что не знал Любищева. То есть знал, я встречался с ним, я понимал, что это человек редкий, но масштабов его личности я не подозревал. Со стыдом я признавался себе, что числил его чудаком, мудрым милым чудаком, и было горько, что упустил много возможностей бывать с ним. Столько раз собирался поехать к нему в Ульяновск, и все казалось, успеется.

Который раз жизнь учила меня ничего не откладывать. Жизнь, если вдуматься, терпеливая заботница, она снова и снова сводила меня с интереснейшими людьми нашего века, а я куда-то торопился и часто спешил мимо, откладывая на потом. Ради чего я откладывал, куда спешил? Ныне эти прошлые спешности кажутся такими ничтожными, а потери — такими обидными и, главное, непоправимыми.

Студент, что сидел рядом со мною, недоуменно пожал плечами, не в силах соединить в одно противоречивые рассказы выступавших.

Прошел всего год после смерти Любищева — и уже невозможно было понять, каким он был на самом деле.

Ушедший принадлежит всем, с этим ничего не поделаешь. Докладчики отбирали из Любищева то, что им нравилось, или то, что им было нужно в качестве доводов, аргументов. Рассказывая, они тоже выстраивали свои сюжеты. С годами из их портретов получится нечто среднее, вернее — приемлемо среднее, лишённое противоречий, загадок — сглаженное и малоузнаваемое.

Этого осредненного объяснят, определят, в чем он ошибался и в чем шел впереди своего времени, сделают совершенно понятным. И неживым. Если он, конечно,

поддастся. Над кафедрой висела в черной рамке большая фотография — старый плешивый человек, наморщив висячий нос, почесывал затылок. Он озадаченно поглядывал не то в зал, не то на выступающих, как бы решая, какую ему еще штуку выкинуть. И было ясно, что все эти умные речи, теории не имеют сейчас никакого отношения к тому старому человеку, которого уже нельзя увидеть и который так был сейчас нужен. Я слишком привык к тому, что он есть. Мне достаточно было знать, что где-то есть человек, с которым обо всем можно поговорить и обо всем спросить.

Когда человек умирает, многое выясняется, многое становится известным. И наше отношение к умершему подытоживается. Я чувствовал это в выступлениях докладчиков. В них была определенность. Жизнь Любищева предстала перед ними завершённой, теперь они решились обмыслить, подытожить ее. И было понятно, что теперь-то многие его идеи получают признание, многие работы будут изданы и переизданы. У умерших почему-то больше прав, им больше позволено...

...А можно сделать и так: предупредить читателя, что никакой занимательности не будет, наоборот, будет много сухой, сугубо деловой прозы. И прозой-то это назвать нельзя. Автор мало что сделал для украшения и развлечения. Автор сам с трудом разобрался в этом материале, и все, что тут сделано, было сделано по причинам, о которых автор сообщает в самом конце этого непривычного ему самому повествования.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

